



СЛАВУТИЧ: БЫТЬ

ней дозиметрии Чернобыльской АЭС, Е. Иванов — руководитель комплексной экспедиции Всесоюзного научно-исследовательского института атомных электростанций (Москва), Н. Николайчук — руководитель секции информации ассоциации женщин Славутича, А. Никоненков — начальник медсанчасти № 126, Л. Носарева — член общества «Припятъ», С. Павловский — секретарь Славутичского горкома комсомола, Н. Суркова — председатель ассоциации женщин Славутича, В. Щербина — заместитель генерального директора производственного объединения «Чернобыльская АЭС».

А. Заграй: С самого начала обстановку в городе определяет то, что он был «посажен» посреди «грязного» участка местности. Это одно из наиболее опасных пятен в Черниговской области. Всего их три, и все они расположены рядом. Славутич, к сожалению, попал в середину центрального пятна.

В. Щербина: Это факт, от которого нам никуда не деться: город расположен на территории, где плотность загрязнения цезием в радиусе 100 километров составляет в среднем 5 кюри на квадратный километр, а в отдельных местах до 15 Ки/км², что соответствует гамма-фону в 160 — 180 микрорентген в час.

А. Заграй: Дсбавлю, что на небольших участках регистрируется и до 27 Ки/км². Они расположены за пределами Славутича, в лесах за водозабором, за восточной частью города, где, в частности, зафиксировано до 120 мР/час.

Е. Иванов: Мы сразу, по-моему, затронули самую острую проблему Славутича. Хочу высказать в связи с этим свою точку зрения. Место для города, и это безусловно так, выбрано неудачно. Это породило проблему, которую мы почему-то обходим молчанием. Считалось, что все здесь в радиационном плане в порядке, а потому разворачивать исследования по радиационной обстановке нет нужды. Когда, наконец, всплыла настоящая картина, Госкомгидромет СССР, Минздрав СССР стали делать вид, что ничего, собственно, не произошло необычного и никакого особого внимания город не требует.

Почему они так себя повели? Да потому, что все были причастны к решениям, связанным со строительством на этом месте. И когда институт развернул здесь радиационные исследования, наш научный руководитель был вызван в высокие государственные и политические инстанции и ему учинили разнос за то, что взял на себя ответственность вести такую работу. Все это затормозило и исследования, и дезактивационные мероприятия в городе, который уже начал заселяться. Эту причину тоже нельзя сбрасывать со счетов, говоря о том, почему с таким опозданием и так медленно разворачивается работа по изучению радиационной обстановки. Ее и сегодня ведет только одно научное учреждение — наш институт.

Вопрос: А какова сегодня радиационная обстановка в городе?

А. Заграй: В результате проведенных в 1988 — 1989

Сакраментальный вопрос выбора пути стоит сегодня не перед отдельным человеком, а перед целым городом. Какова судьба Славутича, который только-только родился, есть ли у него перспективы, будущее, какие пути выхода из того трудного радиационного и социального положения, в котором он оказался! Эти проблемы были подняты в статье «Город с неопределенной судьбой», опубликованной в «ВЧ» 13 мая. Продолжением обсуждения этих проблем по инициативе Славутичского горкома партии и редакции «Київської правди» явился «круглый стол» газеты. Глобальные проблемы судьбы самого молодого города республики стали предметом обсуждения, в котором приняли участие Г. Гаврилов — первый секретарь Славутичского горкома партии, Г. Данилейко — заведующий городским отделом народного образования, А. Заграй — начальник лаборатории внеш-

или не быть?

годах дезактивационных работ ныне на 95 процентах заселенной территории мощность дозы не превышает 30 мР/час. Есть десятка полтора локальных участков, на которых фиксируется от 30 до 60 мР/час. Два места — возле общегородского центра и киноконцертного комплекса, где ведется строительство — имеют более 60 мР/час. Чтобы предупредить возможные вопросы, скажу, что чормами радиационной безопасности для жителей полков атомных станций, на них работающих, установлена предельная мощность дозы, которая не должна превышать 60 мР/час.

Корреспондент: Выезжая к вам, я разговорился с одним из жителей города, который сказал, что у дозиметристов берут подписку о неразглашении данных. Это правда?

А. Заграй: Один из слухов, циркулирующих по городу. Сейчас в радиационной обстановке никаких секретов нет. Все документы идут без каких-либо грифов, даже без грифа «Для служебного пользования». Разговоров о том, что кто-то что-то скрывает, и быть не может. Я, хотя и бегло, рассказал о радиационной картине в городе, и вы можете судить, что не обошел и неприятные моменты.

Из названных выше 15 мест, где фон составляет от 30 до 60 мР/час, часть в результате проведенных весной работ очищена. Ныне дело затормозилось в связи с тем, что вывели военные подразделения, которые про-

водили дезактивацию. Мы переходим на новую систему очистки силами самой станции.

В. Щербина: У нас есть четкая программа, как достичь ситуации, когда радиационное влияние на город будет не большим и не худшим, чем в тех районах Киевской, Черниговской, Ровенской, Хмельницкой областей, где не устанавливается никаких ограничений. Для этого у нас есть материальные ресурсы. Но для ее выполнения нужно, во-первых, создать мощную строительную базу, а, во-вторых, вернуть армейские формирования для дезактивации примыкающей территории.

Реплика: Если город очищается, почему тогда появляются грязные участки?

А. Заграй: Объясню. Скажем, когда велось сооружение жилья, рядом стояли вагончики строителей. Вокруг них сделали дезактивацию, а под ними «грязь» осталась. Не скрою, что и технология не была до конца отработана, да и качество очистки плохое: иногда вместо того, чтобы снять и вывезти загрязненную землю и положить свежую, просто сыпали чистый грунт. Гамма-фон этим снизили, а внизу активность осталась. И сейчас, когда копают землю, что-нибудь прокладывая или высаживая, она и выходит наружу — гамма-фон повышается.

В. Щербина: Глубина загрязнения почвы, мы считаем, — до 10 сантиметров. На эту глубину почва и снималась. Не исключаю, учитывая нашу технологическую культуру, что это не везде делали. Поэтому действует система контроля: проверяем улицы, дворы. Если выявляем загрязнение — меняем грунт. И будем это делать до тех пор, пока полностью не подавим радиоактивность.

Н. Суркова: А транспорт, разве он не заносит в город «грязь»?

А. Заграй: Состояние дорог контролируется раз в месяц. За два года измерений повышения гамма-фона и бета-активности мы здесь не имеем. Хотя, не секрет, опасность есть и может оставаться в дальнейшем. К нам попадают машины из 30-километровой зоны. В связи с этим мы подняли вопрос об установке контрольно-про-

пусного пункта. Наша служба выделит дозиметристов. Необходимо решить вопрос об оборудовании места КПП и организации поста ГАИ.

С. Павловский: Вы говорите о незащищенности со стороны станции, но мы не защищены и со стороны Гомельской области — Брагина, Хойников. К нам едут за покупками, к знакомым, просто посмотреть город.

Н. Суркова: Через Брагин к нам везут продукты. И это очень беспокоит.

Г. Гаврилов: Мы ежедневно отправляем до 30 машин в Киев и Чернигов. Весь наш стол формируется из продуктов этих городов. Воспользуюсь тем, что уже начал говорить, и продолжу. Нас ознакомили с картиной специалисты с чисто технической точки зрения. Я к этому хочу кое-что добавить. Ситуацию мы контролируем, предпринимаем все меры, чтобы улучшить положение. У нас сегодня взят такой курс: все, что нужно и возможно делать, — делать обязательно.

А. Никоненков: На все продукты, возимые в город, у нас есть документы, подтверждающие их «чистоту». Если установим КПП, будем знать, «чистый» ли транспорт их привозит.

А. Заграй: Как житель города скажу: считаю, что ситуация не совсем хорошая, но и не угрожающая. Действительно, мы в своей свободе ограничены городской чертой...

Л. Носарева: А как, скажите, можно объяснить ребенку, что в лес нельзя бегать, нельзя играть в песке, собирать ягоды? Они этого просто не понимают, ведь не видят опасности. Да и как усмотришь за ними — лес, опасные места — через дорогу от домов...

А. Заграй: Я вас прекрасно понимаю. Но когда будет проведена очистка окружающих территорий, ничего не могу сказать. Мы до конца не закончили очистку, которая была запланирована еще на 1988 год. Имею в виду



На улицах Славутича.

Фото В. САВРАНА.

(Продолжение. Начало на 2 — 3 стр.)

восточное пятно, в направлении которого ширится строительство. У нас на все просто не хватает сил.

С. Павловский: Вопрос, который давно хочу задать, носит принципиальный характер и требует открытого ответа. А вопрос такой. Своей информацией, Анатолий Иванович, вы подтверждаете нашу тревогу. Итак, опасны или нет 30 мР/час, которые мы имеем в городе, ведь это вдвое выше, чем гамма-фон в Киеве?

А. Заграй: Мы установили для Славутича половину допустимого для населенных пунктов АЭС уровня — 30 мР/час.

Н. Николайчук: Но когда в марте-апреле летит тучей

СЛАВУТИЧ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

пыль с лесов, то хочется бросить все и ехать на край света. Вы это учитываете?

А. Заграй: Вы хотите сказать, что когда дуют ветры, изменяется гамма-фон, радиационная обстановка в городе. Меняется содержание аэрозолей в воздухе: оно на порядок выше, то есть в десять раз становится выше. Это значит, что радионуклиды в воздухе присутствуют в виде мелких частиц. По гамма-фону у меня надежных данных нет. В принципе, влияние возможно.

Вопрос: Неужели Славутич не имеет при таком месторасположении надежных данных об обстановке? Что для этого нужно?

А. Заграй: Чтобы наша лаборатория была в достаточной мере обеспечена оборудованием.

В. Щербина: Давайте выясним, что такое надежные и ненадежные методы контроля. Есть достаточный контроль, а есть очень жесткий, когда измерения ведутся с большой степенью точности. Такого у нас нет. Однако имеющийся в наших обстоятельствах достаточен.

Е. Иванов: Меня удивляет, почему в Славутиче и ныне низкая лабораторная обеспеченность, ведь еще в 1988 году Минатомэнергопромом СССР был издан приказ о радиационном контроле, о введении измерений в 10-километровой зоне вокруг города. Однако и сегодня ситуация такова, что никто не знает полной, всеохватывающей картины в этом районе.

А. Заграй: Город не имеет, как бы это сказать понятнее, радиационной категории. Объясню. В этом плане все населенные пункты разделены на две категории — Б и В. В — принята для всей страны, Б — для поселков при атомных станциях. Здесь следует иметь в виду одну

сложность. Как правило, населенные пункты обслуживающего АЭС персонала располагаются в нескольких километрах от станций. Учитывая особенности послеаварийной обстановки, мы, с одной стороны, оставаясь при станционном городом, с другой — достаточно отдалены от АЭС, чтобы ощущать ее постоянное воздействие. Но есть воздействие 1986 года. При такой уникальной обстановке и не могут прийти к единому мнению.

Корреспондент: А ваше мнение?

А. Заграй: С точки зрения технической, удобнее иметь категорию Б: для нее есть нормы радиационной безопасности, устанавливается дозиметрический контроль, назначаются другие мероприятия.

Корреспондент: Что же получается, по сути, есть и контроль, и нормы, а категорию уж не отважатся установить? Парадокс.

А. Заграй: Это дает возможность некоторым товарищам варьировать с излучением. Пресловутая 30-бэрная концепция распространяется на категорию В, а 0,5-бэрная — на категорию Б. Неспециалистам это ни о чем не говорит, а отличия существенные. 35-бэрная концепция допускает, что в первый год жизни вы можете набрать 10 бэр, во второй — пять, а во все оставшиеся равномерно остальные. А вот в городе категории Б «набор» радиации не должен превышать 0,5 бэра в год.

Н. Николайчук: Для персонала станции предусмотрено не больше 5 бэр в год. Однако норма эта устанавливалась из расчета, что проживает он в незагрязненной зоне. У нас же работники АЭС получают облучение и на работе, и дома.

[Окончание следует].